

Word Formation Patterns of Academic Discourse in the Literary Genre of Science Fiction

Аннотация: Автор рассматривает проблему продуктивного словообразования на пересечении языка науки и художественной литературы, в частности, то, как авторы научно-фантастических произведений создают собственные окказионализмы, намеренно используя словообразовательные модели, характерные для языка академической прозы. В ходе изучения словообразовательных процессов были исследованы неологизмы и окказионализмы из художественных произведений Ф.К. Дика и О. Хаксли, определена их коммуникативная функция и связь с естественными науками, изучены механизмы взаимодействия продуктивного словообразования и научного типа дискурса.

Ключевые слова: научный английский язык, словообразование, научная фантастика, сложные слова, суффиксация, окказионализмы, словообразовательные модели, псевдотермины

Abstract: The article deals with the problem of dynamic word-formation in academic and literary discourse, in particular, unique neologisms and occasionalisms that were intentionally created by science fiction authors to resemble scientific and technical terms. Lexemes and word-combinations from the works of P.K. Dick and A. Huxley were analysed, as well as their communicative function and their connection with scientific disciplines and the relationship between dynamic word-formation and academic discourse.

Key words: academic English, word-formation, science fiction, compound nouns, suffixation, occasionalisms, word-formation patterns, pseudo-terms

The study of the interaction between academic language and the language of fiction is becoming increasingly more important in the light of the growing popularity of the *science fiction* genre. Dynamic word-formation is actively used in fiction as well as in academic prose. However, the functions it performs in each case are rather different: a wide-spread use of scientific neologisms serves as a mode for describing new ideas and concepts, whereas the new lexical formations used in the *belles-lettres* style generally contribute to the creation of 'believable' fiction.

The importance of studying word-formation as item-and-process can be explained by the historical development of morphological processes. The types of discourse with-

in which certain affixes and word-formation patterns regularly function have considerable influence on their correlation, productivity and frequency of occurrence.

The literary genre of science fiction deals with a description of situations that can be presented as non-existent, although hypothetically possible in objective reality. It should be remembered that one of the goals of science fiction authors is the creation of the so-called '*probability illusion*' [4], and that there are many different ways of creating and maintaining this effect, including linguistic means. Creating new lexical items on the basis of well-known word-formation patterns, which are often used to form new scientific terminology, contributes to the desirable stylistic effect. The '*pseudo terminology*' introduced by the author may often be used alongside actual scientific terms, however, terms proper, when used in a fictional text, undergo an *aesthetic transformation* [2: 288].

The effect known as 'probability illusion' plays a vital role in the genre of science fiction. Here is a particular mode of introducing fantastic elements into the text outline. According to E.N. Kovtun, «Rational fantastic fiction tries to 'hide' fictional elements, to present fantastic events as 'hypothetically possible', to convince the reader that all characters are 'ordinary people'» [4: 198]. The fictional element of fantastic texts is raised to the premise of rational character. The 'impossible' is explained through fictional 'natural' laws or technical inventions [4: 61].

Academic prose, conversely, establishes the verbal environment required for active production of neologisms. «New concepts, which emerge as a result of academic research, demand special terms to denote them. <...> Academic style can always be regarded as a source of new lexemes, word combinations and new meanings of existing words» [2: 352]. As for science fiction, it should be regarded as a secondary field of term functioning. In this genre, as well as in popular scientific literature, terms are only used alongside non-terminological vocabulary for «decoration or embellishment» [5: 82].

Although scientific terminology is, to a certain extent, a 'prototype' of neologisms and occasionalisms created in science fiction, it manifests a different communicative intent. '*Pseudo terms*' emerge and function within a genre that is primarily associated with the speech function of aesthetic impact and not the function of message. Their main objective is to imitate a certain message, to create an effect of verisimilitude, while 'terms proper' perform a different function – to adequately deliver the essence of a described phenomenon in all diversity of its characteristics. While '*pseudo terms*' follow the same word-formation patterns as academic terminology, their ultimate goal is to create an effect of emotional impact.

One of the most frequent word-formation patterns in academic writing is the 'Noun + Noun Compound' model: most lexemes found in modern terminological dictionaries have been created on the basis of this pattern. Compounds like '*brain death*' (medicine), *language laboratory* (linguistics), *aversion therapy* (psychology) play an important role in academic disciplines. A variant of this model, the 'Proper Noun + Common Noun' pattern, is extremely productive in modern English. It is especially common in academic discourse, where many of these formations function as terms. We can adduce numerous examples, such as *Duchenne dystrophy* (a medical term for a type of muscular dystrophy), *Eaton agent* (a biological term meaning a microorganism that is the causative agent of primary atypical pneumonia), *Lie algebra* (a term from the domain of mathematics: Lie algebras are algebraic structures which were introduced to study the concept of infinitesimal transformations), *Markov chain* (another mathematical term, a mathematical system that undergoes transitions from one state to another on a state space), etc. The

‘common noun’ part of the lexical item often goes back to the name of the researcher who described or invented the phenomenon denoted by the term. It is not surprising, therefore, that this pattern is also frequent in literary texts if the author’s objective is to create the effect of scientism. In the world of science fiction ‘pseudo terms’ can go back to names of real scientists as well as names of fictional characters. For example, «**Penfield mood organ**», the first ‘pseudo term’ found in Philip K. Dick’s novel «Do Androids Dream of Electric Sheep?» (1966), is a complex compound where ‘Penfield’ functions as a modifier and ‘mood organ’ as a compound head of the whole structure: «*A merry little surge of electricity piped by automatic alarm from the **mood organ** beside his bed awakened Rick Deckard*» [8: 1].

The ‘Proper Noun + Common Noun’ pattern can be found throughout the text of P.K. Dick’s novel. Examples include such terms as ‘**Voight Empathy Test**’ and ‘**Voight-Kampff Empathy Test**’: «*But then the **Voigt Empathy Test** had been devised by the **Pavlov Institute** working in the Soviet Union*» [8: 23]. The fictional tests described as psychological methods of distinguishing people from ‘androids’ contributed to the leitmotif of empathy, which is one of the central ideas of the novel. In order to develop a believable fictional reality, the author chooses to describe scientific methodology as well as scientific progress. Thus, Lurie Kampff, the co-designer of the ‘Empathy Test’, is said to be the author of several other works: «*The consensus of police opinion is known to you in **Lurie Kampff’s article**, written eight years ago. “Role-taking blockage in the Undeteriorated Schizophrenic*» [8: 36].

Suffixation is another word-formation pattern that is known as one of the most productive techniques in modern English. It is widely used to create **eponyms**, which makes it essential for term development. Terminological studies have revealed the popularity of this model in various disciplines. Thus, the verb ‘**to pasteurize**’ was formed in 1881 from the name of Louis Pasteur, a French chemist and microbiologist, with the help of the suffix *-ize*. The noun ‘**Darwinism**’ originates from the name of Charles Darwin. It came into the language in 1864 and was formed with the help of the suffix *-ism*.

Suffixation is also extremely productive in literary texts, for example, it is extensively used to create ‘*pseudo eponyms*’ in science fiction. In Aldous Huxley’s novel «*Brave New World*» fictional names serve as a supposed source of several pseudo terms. The name of **Bokanovsky** and the biotechnological breakthrough that was stimulated by the character’s discovery are seen as an important part of the novel’s world. The nominative complex ‘**Bokanovsky’s process**’ becomes the basis for new lexemes, created with the help of suffixation: «“**Bokanovsky’s Process**”, repeated the Director, and the students underlined the words in their little notebooks. <... > One egg, one embryo, one adult – normality. But a **bokanovskified** egg will bud, will proliferate, will divide. <...> “Essentially,” the D.H.C. concluded, **bokanovskification** consists of a series of arrests of development» [9: 7].

The suffix *-fy* and its variant, *-ify*, can also be regarded as quite productive: recent formations include such verbs as **detoxify**, **gentrify** and **webify**. The suffixal element *-fication* is widely used to create new terminology, for example, such nouns as **reification** (1846) and **desertification** (1973). Huxley prefers the word-formation patterns which appear familiar and ‘scientific’ to the reader – however, the author makes the structure of his occasionalisms extremely complex, introducing deliberate grotesque elements into the lexeme.

As can be observed, dynamic word-formation is marked by the function of impact in different styles and genres. However, the communicative intent that it realises is re-

markably different in each type of text. In literary texts, metaphoric word play is often used for creating an aesthetic impact or an effect of unexpectedness and originality. In academic literature, neologisms function as elements responsible for the function of message. The genre of science fiction combines the two intents and brings in a new perspective – a science-like believable description with an enhanced ‘intellectual factor’. The multi-functionality of word-formation patterns creates an opportunity for expanding their productive potential.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 447 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств. 2-е изд., испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 376 с.
3. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: Вопросы методологии. 2-е изд., испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 276 с.
4. Ковтун Е.Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000. 304 с.
5. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. № 3. С. 80–87.
6. Мухортков Д.С. Вариативность значения слова в функционально дифференцированной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 207 с.
7. Bauer L. English Word Formation. Cambridge University Press, 1983. 311 с.
8. Dick P.K. Do Androids Dream of Electric Sheep? Gollancz, 2010. 208 с.
9. Huxley A. Brave New World. Vintage, 2004. 229 с.

References

1. Britikov A.F. (1970) Russian Soviet Science-Fiction Novel. L.: Nauka Publ. 447 p.
2. Galperin I.R. (2012) Essays On English Stylistics: an Attempt to Systematize Figures of Speech. 2nd ed. Moscow. Knizhnyj dom LIBROKOM. 376 p.
3. Gvishiani N.B. (2008) The Language of Academic Communication: Methodological Problems. 2nd ed. Moscow. LKI Publ. 276 p.
4. Kovtun E.N. (2000) Types and Functions of fictional conventionality in European Literature of the First Half of the XXth c.: PhD thesis. Moscow.
5. Leichik V.M. On the Peculiarities of Terms' Function in the Text. *Philological Disciplines*. 1990. No 3, pp. 80–87.
6. Mukhortov D.S. (2003) The Variability of Word Meaning in the Functionally Differentiated Speech: PhD thesis. Moscow. 207 p.
7. Bauer L. (1983) English Word Formation. Cambridge University Press. 311 p.
8. Dick P.K. (2010) Do Androids Dream of Electric Sheep? Gollancz. 208 p.
9. Huxley A. (2004) Brave New World. Vintage. 229 p.

Сведения об авторе:
Наталья Сергеевна Берсенева,
Аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia S. Berseneva,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natalijaberseneva@yandex.ru

С.А. Кожина

Полемика с соцреалистическим каноном в ранней прозе Б. Грабала и Й. Шкворецкого

Аннотация: В статье анализируются коренные изменения, характерные для поэтики произведений 1960-х гг., в сравнении с произведениями предшествующего периода господства метода соцреализма. Материалом послужили рассказы Б. Грабала (сборник «Жемчужинки на дне» 1963 г.) и роман Й. Шкворецкого («Малодушные» 1958 г.). Данные тексты, написанные в конце 1940-х – начале 1950-х гг., позволяют увидеть, какие особенности литературного процесса 1960-х гг., не получившие последовательного выражения в текстах 1950-х гг. в связи с процессом политизации культуры, начали развиваться уже сразу после 1948 г. Анализ проведен по ряду критериев, в которых, на наш взгляд, наиболее отчетливо проявилась полемика с каноном социалистического реализма: модальность повествования (поэтика и композиция), образ героя и язык.

Ключевые слова: История зарубежной литературы, чешская литература, XX век, соцреалистический метод, 60-е годы, Б. Грабал, Й. Шкворецкий

Abstract: The article examines some fundamental changes which can be found in the poetics of works of the 60s in comparison with the works of the previous period of Socialist Realism. The material of this article is based on a story by B. Hrabal (collection „Pearls of the Deep“ 1963) and the novel by J. Škvorecký („The Cowards“, 1958). The fact that these texts were written in the late 40's and early 50's, helps us to trace what kind of changes began immediately after 1948, but didn't get a consistent maturity in the texts of 50's because of culture politicization. The analysis was carried on a number of criteria in which, in our opinion, more obviously the controversy with the canon of socialist realism was shown. They are modality of narration (poetics and composition), the image of the hero, and language.

Key words: History of foreign literature, Czech literature, XX century, socialist realism, 60's, B. Hrabal, J. Škvorecký

Многие исследователи чешской литературы 1960-х гг., анализируя изменения, происшедшие в проблематике, композиции и в поэтике текстов, отмечали, что в это время чешская литература продолжила развивать многие процессы, актуальные для межвоенного периода и первых лет после Второй мировой войны, но прерванные революцией 1948 г. (см. [Zlatá šedesátá 1999]). В этой связи кажется симптома-

тичным и то, что многие произведения, написанные в середине – конце 1940-х гг., были не только опубликованы в 1960-е гг., но и приобрели невероятную популярность у читателя. Одними из них были отобранные нами для анализа произведения Б. Грабала (сборник «Жемчужинки на дне» 1963 г.) и Й. Шкворецкого («Малодушные» 1958 г.). Точную дату написания каждого произведения установить трудно. Так, например, сборник Грабала, в котором были собраны произведения 1940-х гг., в том числе рассказ «Жаворонки на нитке» (1959 г.) был рассыпан в печати. Рассказы из этого сборника и были опубликованы в «Жемчужинке на дне», но установить точную датировку каждого из них достаточно проблематично. Что касается романа Шкворецкого, то известно, что автор начал работу над ним уже в 1948 г. Рукопись была окончена в сентябре 1949 г. [Jak vznikali Zbabělci 2008].

В своей статье мы хотели бы показать не только те изменения, которые привнесли в литературу произведения 1960-х гг., но и закономерности поэтики тех лет, которые свидетельствовали о восстановлении естественного литературного процесса и возвращении чешской литературы в общеевропейский контекст. Для этого мы хотели бы провести сравнительный анализ произведений 1960-х гг. с произведениями социалистического реализма по ряду критериев, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко проявилась полемика с каноном. Конечно, предложенная нами для этого попытка систематизации соцреалистической эстетики схематична и не охватывает весь арсенал метода, однако анализ произведений 1960-х гг. по этим аспектам поможет определить, какие именно качественные сдвиги произошли в композиции, системе персонажей и общей поэтике текстов.

1. Модальность повествования

Новая эстетика конца 1940-х гг. основывалась на классическом реализме XIX в. Однако за реалистичностью действия скрывалось выражение совершенно определенных идей. Соцреализм стремился к созданию образца для действительности – того, «как должно быть». По своим стилистическим особенностям и средствам выразительности произведения возвращались к уже сконструированному прошлому: народным мотивам в поэзии и изобразительном искусстве, «неоклассицистическим», историческим элементам [Соцреалистический канон 2000: 11]. Подобные установки превращали произведения в выверенный до мелочей конструкт.

Коренные изменения стали возможны только после перемен в политической сфере. В ответ на это уже в 1953–1954 гг. развернулась критика схематизма и догматизма в литературе. Восстановленное жанровое многообразие способствовало принесению в литературу ранее запрещенных тем и расширило влияние субъективных пристрастий авторов. Начался процесс поиска новых художественных средств и приемов, которые бы смогли зафиксировать сменяющие друг друга с невероятной скоростью события. С 1960-х гг. в произведениях входит прием коллажа и монтажа.

Именно этот прием, заимствованный у сюрреалистов, лег в основу поэтики Б. Грабала 1960-х гг. В эти годы в свет выходят сборники ранних произведений автора, 1940-х гг., которые в свое время не были допущены к печати. Главным в использовании приема коллажа для Грабала оставалось стремление передать картину «живой», бесконечно изменяющейся жизни. Рассказы Грабала становились «карнавалом», где тесно переплетаются, дополняя друг друга, мотивы радости и печали, смерти и рождения.

Это естественным образом находило отображение в композиции произведений. Так, рассказ «Обманщики» полностью лишен авторских ремарок и состоит целиком из диалога двух действующих лиц, которые рассказывают друг другу разрозненные воспоминания их прошлой жизни. Один из героев выдает себя за известного оперного певца, второй – за популярного журналиста. Грабал как будто просто записывает реплики персонажей, не делая никаких ремарок. Это попытка полного отстранения автора от повествования. Каков мир вокруг героев, мы можем представить, основываясь только на их абсурдном и болезненном восприятии:

– Дружище, может, медсестру позвать?

– Нет-нет, что угодно, но только не это. «Принцесса чардаша» – вот где у меня была коронная роль! Я ведь и женился так же, как Бони. Когда после войны мясо было только по карточкам, одна знатная дама предложила мне карточек на шесть килограммов, и я, как только вообразил себе всю эту мясную грудку, тут же при свидетелях написал на бумажной салфетке обещание жениться на этой даме. И таки сдержал свое слово! «Сотни райских ангелочков, я влюблен, я влюблен!..» [Грабал Б. 2010: 92]

Для Грабала примечательным остается то, что истина жизни открывается именно в абсурдном сочетании, казалось бы, несочетаемых явлений. Однако за видимой хаотичностью расстановки разрозненных элементов сюжета скрывается продуманное их выстраивание с целью создания общей картины мира.

В контексте 1960-х гг. коллаж приобрел еще один специфический оттенок: Грабалу удалось путем дробления действия на сегменты лишить произведение однозначности, единственно правильного понимания. Это противоречило общей установке соцреалистической эстетики на дидактизм и создание единственно верной инструкции к жизни.

В сравнении с рассказами Грабала роман Й. Шкворецкого «Малодушные» (1958 г.) кажется классическим по композиции и поэтике: повествование охватывает 8 дней народного восстания против фашистской оккупации в мае 1945 г., в котором каждый день образует отдельную главу. В целом, можно сказать, что по выбранной автором типичной тематике борьбы против фашистских оккупантов и классической композиции роман мог считаться лишь примером реформ в каноне социалистического реализма. Однако первое его издание в 1958 г. обернулось настоящим скандалом. Роман был назван «оскорбляющим священные для общества понятия и оскверняющим честь Красной армии» [Škvorecký J. 1964: 7]. Он вскоре был запрещен и изъят с рынка. Роман вернулся к читателю в сильно измененном варианте только в 1964 г.

Основным объектом критики стало то, под каким углом преподносятся великие исторические события. Шкворецкий сделал повествователем молодого, двадцатидвухлетнего идеологически не подкованного юношу, увлекающегося английским языком, девушками и джазом. Отдавая все повествование своему «неидеальному» с точки зрения официальной идеологии герою (роман написан в *ich-forme*), Шкворецкий полностью исключает из текста фигуру объективного повествователя. Всеведущий повествователь конца 1940-х – начала 1950-х гг. не только формировал портреты персонажей, но и вел всё действие к определенному, однозначно желаемому финалу. Под углом зрения главного героя Динни повествование превращается в калейдоскоп отдельных индивидуальных судеб, частных элементов, обрывков. Шкворецкому удалось благодаря такому неявному, но все же дроблению сюжета на отрывки, выхватываемые из общего потока жизни про-

стым, не лишенным изъянов человеком, превратить текст в обобщение. Разрозненные элементы объединяются в образ городка в конце войны и, что еще более важно, собирательный образ юношества [Kosková H. 1996: 70].

Переход к персонифицированному рассказчику, непосредственному участнику событий, способствовал демифологизации произведения. Появлялась возможность существования нескольких точек зрения на происходящие события, и, как следствие, неоднозначность трактовки. Таким образом, и в рассказах Грабала, и в романе Шкворецкого обнаруживается общее стремление к преодолению дидактизма в литературе, отказ от создания «образца», переход к созданию коллажа из элементов реальности, утверждению возможности существования множества точек зрения.

2. Образ героя

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. неотъемлемым атрибутом персонажа являлся героизм в прямом смысле этого слова: герой – человек, совершающий героические поступки [Соцреалистический канон 2000: 13]. Во многом именно на этом зиждился открытый дидактизм соцреалистических произведений: следуя своему стремлению создавать образец для действительности, они находили в портрете персонажа реализацию такого образца. В герое соцреалистического произведения изначально заложены все необходимые и «правильные» черты.

Герои Грабала, напротив, многоплановы, они лишены изначально заданных характеристик. Они – дети, наблюдающие за миром отстраненным взглядом, лишенным навязанных оценок и суждений. Уже в продемонстрированном нами отрывке наблюдается комичное несовпадение ожидаемой оценки событий с оценкой, которую дают персонажи. Они как будто живут в ином пространстве, где действуют другие законы. В некотором смысле это действительно так: в портретах грабаловских героев словно сливаются воедино все мелкие черточки, составляющие сущность каждого реального человека, гиперболизируются и творят некую «над-личность».

Возвращаясь к портрету Данни в романе Шкворецкого, нужно отметить его молодость. Шкворецкий сделал главным героем молодого человека не случайно. Конечно, сыграла свою роль фигура самого автора, которому на момент написания романа исполнилось двадцать четыре. Но всё же главным остается то, что молодость дает Данни преимущество, объединяющее его с героями Грабала: он не имеет изначально заложенной в него центральной идеи. Автор не наделил его знанием «как нужно», а дал полную свободу искать себя. При выборе пути или принятии решения Данни руководствуется эгоистичными мотивами. Как все молодые люди, он подсознательно сопротивляется любому моральному давлению со стороны взрослых. Инстинкт молодого человека дает ему возможность наблюдать за тем, что делают «взрослые» со стороны, обнаруживая комичные, а иногда и просто фальшивые моменты их поведения: «Они выглядели, скорее, как клуб туристов, приготовившийся к общему турпоходу. Но это была армия. Это были повстанцы. Ничего не поделаешь. Во главе армии стоял полковник Чемелик, а главнокомандующим был доктор Шабата. Это была армия» [Škvorecký J. 1964: 91].

3. Язык

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. на передний план вышел нейтрально-книжный стиль. До середины 1950-х гг. использование обиходно-разговорного языка в произведении служило созданию, как правило, негативной характеристики персонажа (см. [Соцреалистический канон 2000: 556–557]). Однако уже с сере-

дины 1950-х гг. произошло резкое изменение отношения авторов к нелитературным формам существования языка.

Стирание границы между высоким и низким, литературной нормой и разговорными элементами позволило Грабалу создавать в своих рассказах причудливые языковые контрапозиции. Язык становится способом «фотографирования» действительности, передачи «живой жизни» во всей ее полноте.

Несколько большую нагрузку несут элементы обиходно-разговорного языка у Шкворецкого. Язык для него становится средством разрушения идиллической картины мира, фальшивого героизма – способом открытия истины. Таким «борцом за истину» и становится Данни. Инстинкт молодого человека помогает ему обнаружить внутреннюю пустоту слов, ощутить, что большая часть из них не более чем маски: «Я вспомнил о несчастном Гробе, который так послушно стоял в очереди на запись в армию, а потом остался неподвижно лежать в траве. Если кто-нибудь, так только он чего-то стоил. Но мне не хотелось говорить о нем только как о патриоте. Он этого не заслужил. Патриоты были Юнгвирт и Махачек, и Калдон, и те, другие. Те, у кого был патент, позволяющий им это. Но Гроб не был. Он был что-то лучшее» [Škvorecký J. 1964: 330]. По сути, герой не имеет ничего против того, чтобы быть патриотом: он лишь видит, что под видом одного слова скрывается совершенно иное понятие.

Описывая специфику литературы 1960-х гг., мы обращались к некоторым приемам и средствам, заимствованным из литературы межвоенного периода, таким как сюрреализм, и связанным с ними технике коллажа и монтажа, нарушению традиционной схемы композиции и т. д. Трансформации, которые претерпели эти элементы в 1960-е гг., могут стать материалом для дальнейшего исследования. На наш взгляд, нельзя прямо провести параллель между произведениями, написанными, но не изданными в конце 1940-х гг., и произведениями, рожденными уже в 1960-е гг., однако определенное сходство в них довольно легко обнаружить. Объясняется это именно тем, что эти произведения были как бы законсервированы более чем на десятилетие, а ворвавшись в поток каноничных произведений 1950-х гг., привнесли в литературный процесс многие сохраненные в них тенденции, которые будут развиваться в течение последующего десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

Грабал Б. 2010 – *Грабал Б., Bambini di Praha 1947: Повесть, рассказы* / Пер. с чеш. И. Безруковой. М.: Калганов, 2010. 122 с.

Соцреалистический канон 2000 – Соцреалистический канон: сб. науч. ст. / Общ. ред.: Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Jak vznikali Zbabělci 2008 – *Jak vznikali Zbabělci* [elektronický přístup: <http://dejinyasoucasnost.cz/archiv/2008/12/jak-vznikali-zbabelci/>] // *Dějiny a současnost*. Praha, č. 12. 2008.

Kosková H. 1996 – *Kosková H. Hledání ztracené generace*. Praha: Nakladatelství a vydavatelství Komenského, 1996. 223 s.

Škvorecký J. 1964 – *Škvorecký J. Zbabělci*. Praha: Československý spisovatel, 1964. 356 s.

Zlatá šedesátá 2000 – *Zlatá šedesátá. Česká literatura, kultura a společnost v letech tání, kolotání a... zklamání: materiály z conference pořádané Ústavem pro českou literaturu AV ČR 16. – 18. Června 1999 v Praze*. Praha: ÚČL AV, 2000. 420 s.

REFERENCES

Hrabal B. 2010 – Hrabal B. *Bambini di Praha 1947: Tale, Stories / Translate from Czech* I. Bezrukova. Moscow. Kalganov Publ. 2010. 122 p.

Canon of Socialist realism 2000 – *Canon of Socialist realism: collected articles / (Eds.)* H. Hunter, J. Dobrenko. St.-Petersburg. Academic project Publ. 2000. 1040 p.

Kosková. H. 1996 – Kosková H. (1996) *Hledání ztracené generace*. Praha. Nakladatelství a vydavatelství Komenského 223 s.

Jak vznikali Zbabělci 2008 – *Jak vznikali Zbabělci* [elektronický přístup: <http://dejinyasoucasnost.cz/archiv/2008/12/jak-vznikali-zbabelci/>] // *Dějiny a současnost*. – Praha, č. 12. 2008.

Škvorecký J. 1964 – Škvorecký J. (1964) *Zbabělci*. Praha. Československý spisovatel. 356 s.

Zlatá šedesátá 2000 – *Zlatá šedesátá. Česká literatura, kultura a společnost v letech tání, kolotání a ... zklamání: materiály z conference pořádané Ústavem pro českou literaturu AV ČR* 16. – 18. Června 1999 v Praze. Praha. ÚČL AV. 2000. 420 s.

Сведения об авторе:
Светлана Анатольевна Кожина,
студентка
ИФИ ИФФ РГГУ

Svetlana A. Kozhina,
Student
Russian State University for the Humanities
lane-0391@mail.ru

А.В. Лукина

Морская топонимия в олонхо

Аннотация: Автор анализирует названия морей в олонхо П.А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный»; выявляет способ возникновения топонимов, их место и роль в тексте. На основании анализа сделан вывод, что названия морей возникли в результате психологического переноса своего восприятия на объект, а морские топонимы являются частью тирады «Описание моря», которая входит в состав разных типических мест и выполняет различные функции.

Ключевые слова: олонхо, топонимия, топонимы, пелагонимы, эпос

Abstract: The article contains the analysis of names of the seas in olonkho P.A. Oyunsky's 'Nurgun Bootur Swift'. We identified the origins of names, its place and role in the text. The article leads to the conclusion that the names of the seas are originated in psychological transference by the people from their perception to the subject, marine names are part of the tirade 'Description of the Sea', which is element of the different typical places and it performs various functions.

Keywords: olonkho, toponymy, place names, pelagonimy, epic

Значение олонхо для якутского народа неизмеримо. Народный писатель Якутии Суорун Омоллоон определил олонхо как энциклопедию мудрости, искусства и поэзии якутского народа. Ценность олонхо как постулата творчества заключается в том, что оно представляет истоки литературы, а его образная система в творческом процессе определяется как неиссякаемый «живой родник» национальной поэзии [Сивцева-Максимова: 302].

Олонхо переживает сейчас небывалый подъем интереса: появляются все новые и новые направления изучения. Большое внимание уделяется чрезвычайно богатому языку олонхо: рассматривают эпитеты, сравнения и т. д. Но несмотря на это топонимы в олонхо не становились предметом специальных исследований.

В нашем проекте исследуются морские топонимы, встречающиеся в олонхо П.А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный». Следует уточнить, что под морскими топонимами мы подразумеваем названия морей, существующих в мифологическом сознании создателей, исполнителей и слушателей олонхо. Ценность таких названий в том, что они хранят в себе образы архетипического порядка.

В отличие от других эпосов, например кыргызского Манаса, в котором около 6000 топонимов, в олонхо их встречается сравнительно мало, а в названном про-

изведении мы находим описания 6 морей. В представлении якута ложем Земли было море Одун (сильное, жестокое), оно же море Сюнг (суровое). В Среднем Мире на западе располагается Араат байкал, а на севере – Ньудулу (бездонное, ненасытное) Уот (огненное) байкал. В Нижнем мире два моря – Уот Кудулу (ненасытное) байкал и Муус (ледяное) Кудулу Байкал. Кроме того, есть море Энсиэли-Кулахай (завывающее-кружащееся), которое описывается в тексте как находящееся вне всех миров.

Анализ морских топонимов показывает, что названия морей имеют ярко выраженный описательный характер. В отличие от других топонимов они построены по четкой формуле: «определение + (определение) + море (байкал)». Их можно назвать пояснительными эпитетами [Веселовский: 59]: в основе лежит один (иногда два) признак, считающийся существенным в предмете. Веселовский предполагает, что «формулы» появляются благодаря культурным механизмам (из хорошей поэзии, элегии и мифов), иногда срабатывает психологический механизм: некоторые «простейшие поэтические формулы могли зародиться самостоятельно», вызванные «психическими процессами» [Веселовский: 101].

В случае морских топонимов в олонхо сработал второй механизм. Моря не являются на самом деле ни «суровыми», ни «огненными», люди невольно переносят на природу свое самоощущение жизни. Таким образом, мы видим, что древние якуты воспринимали море как грозную, суровую стихию. Но впоследствии данные эпитеты превратились в топонимы. Названия морей в олонхо являются примером «окаменения», т. е. «забвения реального смысла эпитета» [Веселовский: 65]. Этот процесс характерен для древнего эпоса.

Названия морей встречаются в тирадах (тирада = формула + формула [Илларионова: 106]), где уточняется их расположение, описываются свойства. Моря представляют враждебные явления: «дышащий бедой», «море мук» и т. д. Моря всегда шумные: «Слышное за девять дней». Моря всегда бескрайние: «Над которым не пролетал никто». В тирадах, посвященных морям, встречаются одни и те же формулы, например «кипящий соленой водой». Свойства, кажущиеся противоположными, – Уот – огненный, Муус – ледяной – часто приписываются одному и тому же морю. Например, на берегу моря Уот Ньудулу «ломает прибой припай ледяной». Таким образом, у разных морей сходный набор свойств, нет четких отличительных черт. Описание образа единого моря представляет собой постоянно повторяющийся элемент. Из чего можно заключить, что эта тирада является повтором (заготовкой). Вариативность формулы «название моря» объясняется устной природой фольклора.

Данные тирады в свою очередь являются составляющим элементом типических мест. Чаще всего описание моря входит в состав типического места «Описание времени и пространства» [Кузьмина: 1266] (Море Одун, Море Араат). Море Муус Кудулу входит в состав типического места «Расправа с противниками (способы уничтожения, укрощения, наказания)». Морские топонимы входят в состав разных типических мест и выполняют разные структурные и семантические функции.

Анализ морских топонимов приводит к следующим выводам. Эпические названия морей являются пояснительными эпитетами. Данные эпитеты-метафоры возникли путем психологического переноса человеком своих мироощущений на восприятие моря. Затем эпитеты утратили свой изначальный смысл. Данный факт свидетельствует о древности этапа создания олонхо. Также отметим, что морские

топонимы входят в состав тирады, условно назовем – «Описание моря». Являясь стабильным набором формул, данная тирада предстает в различных образах: «описание места боя», «описание преграды, встающей на пути» и т. д. Веселовский пишет, что прием повтора обладает конститутивным характером и конструктивными функциями. Таким образом, тирада, содержащая морской топоним, является повтором, а сам топоним – вариативной его частью. Топонимы в качестве формулы в составе тирад являются важными структурно-семантическими элементами текста олонхо.

В дальнейшем интересно было бы рассмотреть названия морей в других олонхо, составить классификацию способов образования, ролей и функций, которые они несут в тирадах и типических местах. Возможно сопоставление с названиями морей в эпохах тюрко-монгольских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. 408 с.

Илларионова Т.В. Вариативность эпических формул и типических мест в олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Якутск, 2010. № 4. Т. 7. С. 106–115.

Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест. Новосибирск, 2005. 1383 с.

Сивцева-Максимова П.В. Олонхо и якутская литература // Материалы Международной научной конференции «Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народа мира». Якутск, 2013. С. 299–303.

REFERENCES

Veselovskiy A.N. (1989) Historical Poetics. Moscow. 408 p.

Illarionova T.V. The Variability of Epic Formulas and Typical Places in Olonkho. *Vestnik of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*. Yakutsk. No 4. Part 7, pp. 106–117.

Kuzmina E.N. (2005) The Index of the Typical Places. Novosibirsk. 1383 p.

Sivtseva-Maksimova P.V. Olonkho and Sakha Literature. In: Proceedings of the International scientific conference “Yakut heroic epos Olonkho – a masterpiece of oral and intangible heritage of humanity in the context of the epics of the people of the world”. Yakutsk. 2013. pp. 299–303.

Сведения об авторе:
Айсена Васильевна Лукина,
ассистент
кафедры восточных языков и страноведения
Институт зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова

Aisena V. Lukina,
assistant
Department of Oriental languages and Regional studies
The Institute of Foreign philology and Regional studies
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
aisenalukina@gmail.com

Ю.В. Роговнева

Элементы информативного регистра в репродуктивных текстах-описаниях

Аннотация: Статья посвящена анализу и классификации информативных включений в репродуктивно-описательные тексты, созданные говорящим при прямом наблюдении действительности: описание человека и места.

Ключевые слова: репродуктивный регистр, информативный регистр, описание, наблюдение

Abstract: The article is devoted to the analysis and classification of informative inclusions in reproductive-descriptive texts created by the speaker in direct observation of reality: a description of the person and the place.

Key words: reproductive register, informative register, description, observation

Теория коммуникативных регистров, созданная Г.А. Золотовой, была разработана в основном на материале художественных текстов. В статье предпринята попытка применить положения этой теории к текстам, созданным говорящим на основе прямого наблюдения действительности. Эти тексты были получены в результате нескольких экспериментов, проведенных со студентами различных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова и филологического факультета Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. Студентам предлагалось описать 1) своего соседа по парте; 2) одну из фотографий, на которой изображен человек; 3) станцию метро «Университет»; 4) вход в первый корпус гуманитарных факультетов МГУ. Во всех экспериментах задание формулировалось одинаково: «Опишите то, что вы видите, не выходя из области актуального наблюдения в область знания». Таким образом, сама формулировка задания требовала от говорящего создание текста в репродуктивном регистре, который предполагает воспроизведение сенсорно воспринимаемых признаков, действий, состояний, а говорящий при этом находится в одном хронотопе с изображаемым. Полученные нами тексты отвечают основным критериям репродуктивности.

1) Высокий уровень детализации: описываемый субъект делится на части и с разной степенью подробности описывается каждая часть: *На моем соседе черная футболка с надписью, а поверх нее – клетчатая рубашка в крупную клетку, синие, слегка потертые на коленях джинсы, белые кроссовки фирмы «Адидас».*

2) Актуальное время предиката с семантикой наблюдаемого качества: *У нее на голове цилиндр; На потолке висят люстры.*

3) Сенсорный способ восприятия действительности. В некоторых работах эксплицитно выражена модусная рамка «я вижу, что...»: *На фотографии я вижу девушку, которая одета в мужской костюм; Я спускаюсь по эскалатору и вижу перед собой большое длинное помещение.*

Таким образом, все анализируемые тексты можно считать репродуктивными. Однако на общем фоне репродуктивности в текстах встречаются элементы информативного регистра. «Информативный регистр предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного либо в результате неоднократного наблюдения, опыта, узуса, либо в результате логических, мыслительных операций [Золотова и др. 1998: 29]. Если репродуктивный регистр – это непосредственное наблюдение, то информативный – это знание или многократное наблюдение, это больший уровень абстракции, при котором говорящий поднимается над наблюдаемым в данный момент. Время говорящего в информативных текстах не совпадает с событийным временем.

В анализируемых репродуктивных текстах встретились следующие включения информативного регистра.

1. Знание: *Моего соседа зовут Петя; На фотографии я вижу Марлен Дитрих; Станция метро «Университет» находится на юго-западе столицы, недалеко от МГУ.*

В данном случае речь идет о конструкциях, которые формируют канонический информативный регистр: ментальный способ восприятия действительности и пространственно-временная дистанцированность говорящего, который не просто фиксирует наблюдаемые объективные признаки, но и анализирует их, в результате чего в тексте, предполагаемом как репродуктивный, появляются элементы информативного регистра. К информативным следует отнести и следующие предложения, которыми начинается большинство текстов-описаний человека: *На фотографии изображена Марлен Дитрих; Моего соседа по парте зовут Петя.* Эти конструкции являются результатом не зрительного восприятия, а знания, их можно заключить в модусную рамку «я знаю, что...». Автор видит человека (живого или на изображении) и может сделать вывод, что это Марлен Дитрих или Мадонна в образе Марлен Дитрих. При этом предполагается, что он знает Марлен Дитрих или Мадонну и, вероятно, знает, что перед ним Мадонна, одетая так, как одевалась Марлен Дитрих. Интересно, что этих предложений нет у авторов, которые не знали, кто изображен на фотографии, их описания начинаются так: *На фотографии я вижу женщину... .*

Таким образом, элементы знания встречаются в текстах, в которых описывается знакомый говорящему объект, и не встречаются при описании говорящим незнакомого объекта.

2. Многократное наблюдение: *Каждый день здесь собирается много студентов; Эскалатор, как правило, не работает; Моя соседка носит очки и предпочитает классический стиль в одежде.*

Эти информативные включения встречаются в текстах-описаниях соседа по парте и места, при этом объект описания должен быть знаком говорящему. Эле-

ментов многократного наблюдения нет в описании незнакомого говорящему объекта и в описании фотографий.

Важно отметить, что элементы многократного наблюдения вводятся в текст специальными информативными синтаксемами (*как правило, обычно, каждый день, всегда, редко, обычно*) с узуальным значением. Это узуальное значение может быть заложено не только в распространителе модели, но и в самой модели (предикаты *предпочитать, носить*).

3. Предположение: *Вероятно, она актриса, и эту фотографию сделали на съемках какого-нибудь фильма; Думаю, это какая-нибудь крайняя станция.*

Элементы предположения также вводятся информативными синтаксемами со значением предположения (*наверное, вероятно, видимо*) или модусной рамкой информативного регистра: *мне кажется, думаю* и т. д. Эти предложения появляются в текстах, в которых говорящий описывает незнакомого ему объект. Предположение встречается и при описании знакомого, но это единичные случаи: *У него короткие волосы, очевидно, недавно стриженные.*

Таким образом, тексты-описания знакомых и незнакомых объектов различаются типами информативных включений: при описании знакомых объектов в текстах присутствуют элементы знания и многократного наблюдения, при описании незнакомых – элементы предположения.

Следующие типы информативных включений встречаются в текстах независимо от степени знакомства говорящего с описываемым объектом:

4. Информативные признаки: *На ней мужской пиджак; На нем кожаный ремень; Стены выложены гранитной плиткой; На ногах туфли-оксфорды.*

Информативные признаки можно разделить на три группы.

1) Информативные признаки типа *мужской пиджак, женский фрак*, которые характеризуют предмет одежды по его половой принадлежности (появляются при описании человека).

2) Информативные признаки типа *шерстяной свитер, кожаный ремень, кирпичный дом, мраморная колонна*, характеризующие предмет по материалу, из которого он сделан.

3) Информативные признаки типа *туфли-оксфорды, ботинки-тимберленды, джинсы-бойфренды, брюки-сигареты*, которые появляются при описании человека.

Следует отметить, что информативные признаки 2-й группы появляются в каждой работе при характеристике материала, из которого сделан объект. Информативные признаки 3-й группы появляются в тех работах, автор которых знает, к какому классу вещей относится описываемый предмет одежды. Если автор этого не знает, то в его работе появляются описательные сочетания: *черные туфли на шнурках* (вместо *туфли-оксфорды*), *зимние рыжие ботинки со шнурками* (вместо *ботинки-тимберленды*).

Информативные признаки 1-й группы появляются при описании человека, если говорящий видит отклонение от нормы – женщина в мужском костюме (описание фотографии Марлен Дитрих). Если же говорящий не видит отклонения от нормы, то эти информативные признаки не появляются в его тексте (случаи *На ней женский пиджак* можно рассматривать как редкие исключения). «Возникает вопрос о возможности этих признаков выводить всю конструкцию, в состав которой они входят, за пределы репродуктивного регистра в информативный. С одной стороны, сочетания типа *мужской костюм* обозначают действительно наблюда-

емые предметы. Конструкцию *На ней мужской костюм* можно поместить в модусную рамку репродуктивного регистра «я вижу, что...». С другой стороны, подразумевается, что человек, описывая одежду и употребляя прилагательные типа *мужской, женский*, знает разницу между мужской и женской одеждой. Это информация-знание, соотнесение с определенными эталонами, с представлениями о норме, существующими в сознании говорящего, но не прямое наблюдение, предполагающее перечисление видимых признаков, по которым мужской костюм отличается от женского» [Роговнева 2015].

Таким образом, вопрос о способности информативных признаков выводить всю конструкцию в информативный регистр представляется спорным. Можно предположить, что такие конструкции находятся на периферии репродуктивного регистра.

5. Оценочные признаки: *На ней элегантный костюм; У нее на голове странный цилиндр; Я вижу уютное серое здание.*

Конструкции с этими признаками, появляясь в репродуктивном тексте, создают в нем информативный план. Эти признаки не характеризуют явление по наблюдаемым качествам, а вводят точку зрения говорящего, его реакцию на наблюдаемое.

При этом важно отметить, что информативные и оценочные признаки могут не входить в состав модели предложения, а являться ее распространителем, однако в любом случае они выводят всю конструкцию за пределы канонического репродуктивного регистра. Это наблюдение позволяет утверждать, что на регистровую принадлежность конструкции влияет не только ее модель, но и распространители этой модели (ср. *На ней черный костюм* – модель с наблюдаемым распространителем и *На ней элегантный костюм* – та же модель, но с оценочным распространителем).

Наш материал показывает, что характеристика объекта в репродуктивном регистре осложняется информативными включениями: знание, многократное наблюдение, предположение, информативные и оценочные признаки. Говорящий не может полностью исключить эти информативные включения из своего текста, хотя формулировка задания эксплицитно запрещает использовать их. При этом тип информативных элементов и степень информативности текста зависят от знакомства говорящего с объектом описания. Наличие этих информативных элементов в репродуктивных текстах подтверждает мысль психолога Дж. Гибсона: «То, что мы видим, не ограничивается тем, что мы видим сейчас. Последнее не может быть основой восприятия окружающего мира, оно связано с Я наблюдателя, а не с окружающим миром» [Гибсон 1988: 360]. Кроме того, «естественное желание автора – совместить несколько способов, например передать собственно сенсорное впечатление и эмоциональную реакцию на него, (свою или чужую), его оценку, объяснение или же «раздробить» это впечатление на перцептивные компоненты, сделать его более детальным» [Сидорова 1997].

ЛИТЕРАТУРА

Сидорова М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 6. С. 7–19.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. 465 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

Роговнева Ю.В. Имена прилагательные при описании человека в репродуктивном регистре // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методологический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. М., Ярославль: Ремдер, 2015.

REFERENCES

Sidorova M.Yu. About the Means of Formation of Communicative Types of Discourse (reproductive register). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 1997. No 6, pp. 7–19.

Gibson J.J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston. Houghton Mifflin. 332 p., ill.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (1998) *The Communicative Grammar of Russian Language*. Moscow. 528 p.

Rogovneva Yu.V. Adjectives Used in the Description of the Person in the Reproductive Register. In: *Philological Education in Modern Research: Linguistic and Methodological Aspects. Proceedings of the International Scientific-practical Conference «Slavic Culture: Origin, Traditions, Interaction XVI Cyril and Methodius Readings»*, May 19, 2015. Moscow, Yaroslavl. Remder Publ. 2015, pp. 68–72.

Сведения об авторе:
Юлия Васильевна Роговнева,
Ассистент
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

Yuliya V. Rogovneva,
Assistant
Pushkin State Russian Language Institute
vinnipuh61@yandex.ru